

Е. Марков

Очерки Кавказа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. Марков**
Очерки Кавказа / Е. Марков – М.: Книга по Требованию, 2023. – 626 с.

ISBN 978-5-458-10830-0

Картины кавказской жизни, природы и истории. Издание третье, с 310 картинами и рисунками и с одной акварелью.

ISBN 978-5-458-10830-0

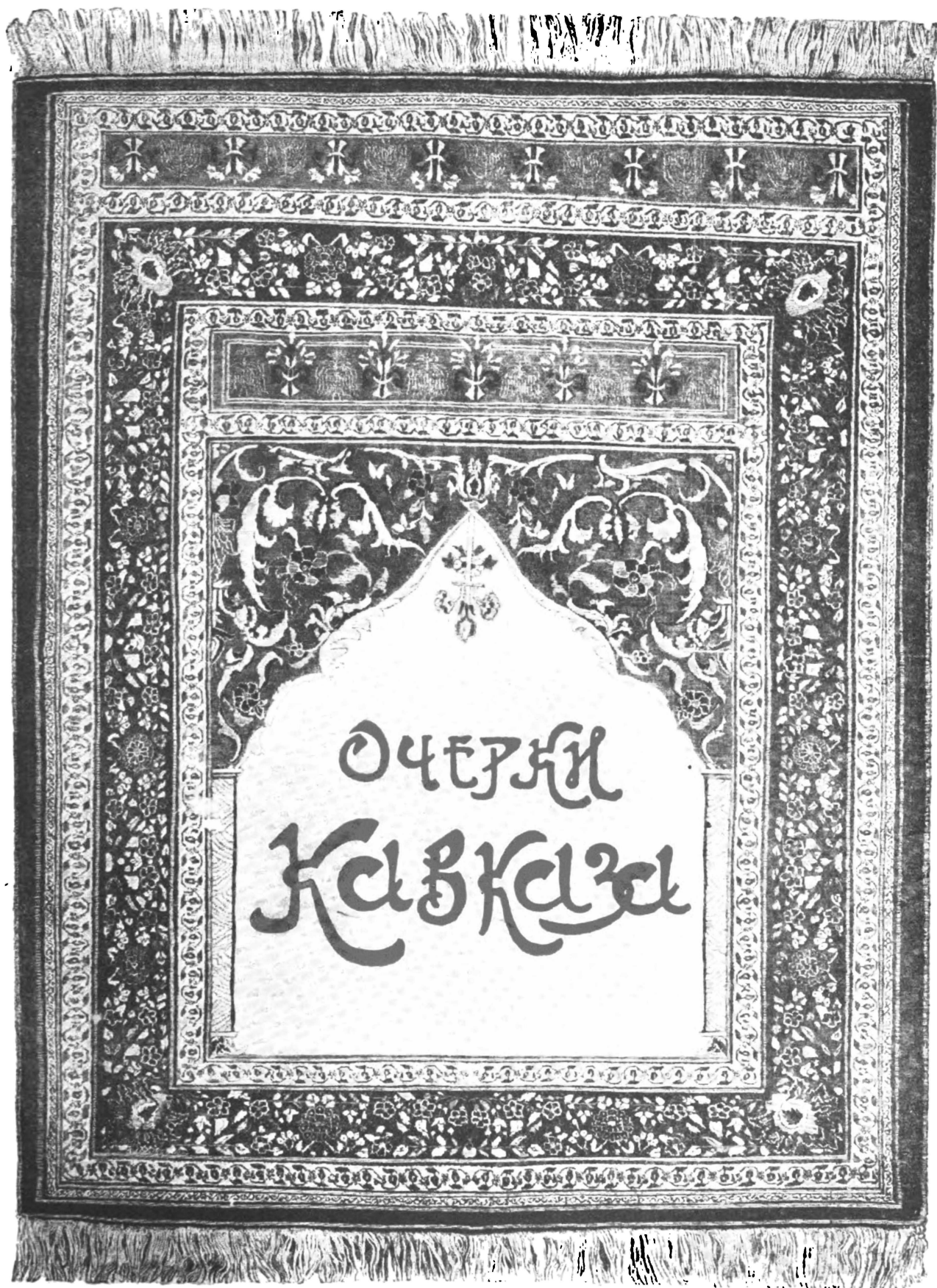
© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОЧЕРХИ
КАК КАЗА

Военно-Груз. дорога. Балтинская застава.

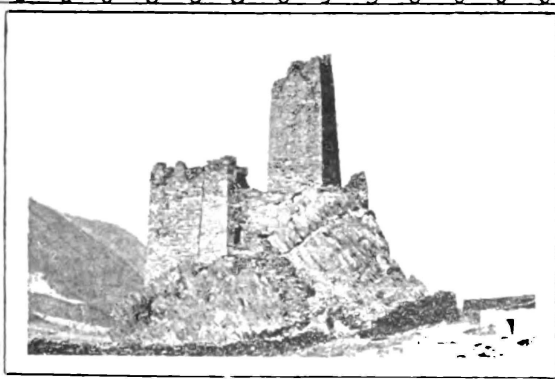
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧЕРЕЗЪ ХРЕБЕТЪ

I.

Родная бездомовщина.

ОПЯТЬ въ этихъ неоглядныхъ и неприютныхъ равнинахъ, опять въ странѣ саранчи, засухъ, овражковъ и жучковъ... Это, конечно, страна будущаго, но будущаго, которое ничѣмъ не улыбается моей фантази. На меня она производитъ пока то-же впечатлѣніе враждебности и чуждости, какое должна была производить въ старое время на украинскаго поселенца, когда она еще была полна бродячими шайками косоглазыхъ хищниковъ. Ничего бы не взялъ, чтобъ жить въ этихъ пустынныхъ балкахъ, заносимыхъ снѣгами, на этихъ безотрадныхъ глинистыхъ

буграхъ, неистово обвѣваемыхъ осенними вѣтрами. Ни воды, ни дерева, ни людей, ничего, чѣмъ красить себя природа, чѣмъ она рдеетъ бѣдную радостями жизнь человѣка.

* * *

А тутъ въ вагонахъ кстати такіе разговоры! Кто ни усядется на мягкіе диваны, окружающіе маленькій карточный столикъ, всѣ, какъ по сговору, запѣвають одну и ту-же пѣсню. Большею частью все это не надолго спеченные петербургскіе либералы, съ петербургскою выкройкой, петербургскими вкусами и интересами. Наговорились они за обѣденными спичами о необходимости прикоснуться къ землѣ, обновиться землю и землю собою обновить, натолковались вдоволь въ клубахъ и засѣданіяхъ различныхъ дѣловыхъ обществъ о непочатыхъ богатствахъ родного края, о баснословныхъ выгодахъ, которыя ждутъ въ его нѣдрахъ всякую предприимчивую мысль, всякій смѣло вложенный капиталъ. И вотъ разлетѣлись они, полные веселыхъ надеждъ и самоувѣренной отваги, въ эти суровыя, прозаическія пустыни, жаждая пробудить ихъ спящія силы, вызвать на Божій свѣтъ ихъ сокровища однимъ только фактомъ появленія своихъ интеллигентныхъ надеждъ и аппетитовъ среди этой неразумной дичи.

Разлетѣлись и ударились въ неподдѣльнаго сѣраго мужика, о которомъ не имѣли понятія, въ неподдѣльную тягость и скуку степного хозяйничанья, которая была нисколько не похожа на ихъ собственное ликующее и какъ-бы предвкушающее настроеніе въ моментъ залога имѣній или займа денегъ на разныя машины и операціи.

Они принесли съ собою только свой аппетитъ и чужія деньги, но не принесли ни воли, ни умѣнья, и когда деньги были истрачены съ тою-же горячностью, съ какою были заняты, тогда оказалось, что чѣмъ больше будить спящихъ силъ и откапывать таинственные сокровища. Праздное говоренье, непривычка къ труду и терпѣнію—всплыли сами собою и оказались не въ силахъ удовлетворить въ обстановкѣ пустыни многосложныя потребности цивилизованныхъ насадителей новаго хозяйства.

И вотъ, густымъ облакомъ поднялись сѣтованія нашихъ хозяевъ на скотскую дикость сиволапаго мужика, на его безнравственность и лѣнь, на его неподготовленность ни къ чему, кромѣ палки и водки, на невозможность одному бороться со сплошною средою домашнихъ зулусовъ,—и полетѣли вслѣдъ за тѣмъ съ молотка вѣялки и сѣялки, великолѣпно устроенныя экономіи и тысячи черноземныхъ десятинъ, и побѣжали вспять подъ слишкомъ привычную и слишкомъ дорогую сѣнь

петербургскаго привольнаго житья наши хозяева-цивилизаторы, оставляя попрежнему негостеприимныя наши степи зулусамъ-мужикамъ, жучкамъ да сусликамъ.

Ихъ-то желчныя разсужденія и остроумные анекдоты раздаются всю дорогу въ моихъ ушахъ, убѣждая меня всецѣло въ окончательной гибели нашего народнаго хозяйства, въ отсутствіи всякой будущности у нашего народа.

А между тѣмъ, вотъ рядомъ со мною сидитъ съ самодовольнымъ видомъ, не то снисходительно, не то насмѣшливо выслушивая малодушные вопли нашихъ беспомощныхъ говоруновъ, пыхтя хорошею сигарою, полякъ, воспитанный въ Лембергѣ—въ чуждой намъ обстановкѣ и въ чуждомъ языкѣ. Этотъ баринъ совсѣмъ другого мнѣнія и о скудости земли нашей, и о безнадежности нашего хозяйства. Онъ явился сюда, въ эту самую негостеприимную пустыню, такъ жестоко разочаровавшую нашихъ доморощенныхъ просвѣтителей, безъ гроша въ карманѣ и не зная русскаго слова. Теперь онъ гоняетъ по желѣзнымъ дорогамъ до 11,000 вагоновъ лѣса и въ немного лѣтъ успѣлъ уже нажить капиталъ, которымъ самъ хвастаетъ. Я нарочно глядѣлъ во всѣ глаза—гдѣ же тутъ лѣса, которыми торгуетъ онъ? Но, кромѣ бурьяна, не видѣлъ ничего. И, однако, онъ разыскиваетъ ихъ на 40 и 50 верстъ кругомъ, покупаетъ ихъ по пяти, по десяти, даже по одной десятинѣ, съ вѣрнымъ расчетомъ, у нашихъ цивилизаторовъ, часто даже не знающихъ о существованіи такой малости, и преспокойно истребляетъ въ странѣ послѣдніе остатки ея здоровья и плодородія, набивая свой карманъ съ единственною цѣлью поскорѣе уѣхать отсюда и зажить бариномъ на своей родинѣ, гдѣ ужь, конечно, онъ будетъ самъ насаждать новыя сады и парки, а не рубить послѣдніе лѣса.

Баринъ этотъ безъ всякаго краснорѣчія, но какъ дважды два четыре доказываетъ, что если десятина земли стоитъ 30 рублей, а овца, которая на ней пасется, даетъ въ годъ дохода до 4 рублей со штуки, то это еще далеко небезотрадная хозяйственная перспектива. «Полякъ живетъ порядочно даже съ 50-ю или 100 моргенами (около полудесятины) и на нихъ воспитываетъ своихъ дѣтей, а вы, господа, считаете себя нищими съ тысячею десятинъ! Полякъ готовитъ сына къ промыслу, къ практическому знанію, отдаетъ его на заводы, фабрики, въ конторы, а вы гнушаетесь промысла,—справедливо замѣчаетъ онъ намъ:—оттого у васъ такъ мало знанія. Ваши траты и вашъ трудъ не имѣютъ никакого отношенія къ вашимъ доходамъ. Вы продаете свои машины, своихъ овецъ, свой скотъ, когда вамъ нужны деньги, и ждете потомъ дохода съ земли. Оттого вы теперь всѣ проданы или

будете проданы завтра, съ помѣщичествомъ здѣсь теперь покончено!...»

Это была обидная и досадная правда, но тѣмъ не менѣе—правда, которую трудолюбивый полякъ заслуженно кидалъ намъ въ лицо.

* * *

Невесела картина и дальше. Ближе къ Таганрогу все чаще встрѣчаются, словно затерянные среди степи, запряженные въ одну лошадь бочки съ водою, изъ которыхъ заливаютъ норы сусликовъ. Это медленное копошеніе маленькихъ, одинокихъ человѣчковъ среди громаднаго обхвата пустынь, которыя пробѣгаетъ нашъ поѣздъ, производитъ впечатлѣніе чего-то безсильнаго и жалкаго.

Еще половцы, старые бродяги нашихъ южныхъ степей, по сказанію нашего перваго лѣтописца, питались сусликами: «Ядуще мертвячину и всякую нечистоту, хомякы и сусолы». Но и до сихъ поръ, кажется, ихъ стало не меньше въ этихъ степяхъ, несмотря на тысячелѣтнюю исторію, несмотря на заселеніе.

Помню я, нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ пришлось проѣзжать приднѣпровскую степь, кишѣвшую несмѣтнымъ количествомъ этихъ тварей. Казалось, вся почва была обращена въ рѣшето ихъ кругленькими черными норами, а среди побурѣвшей полыни и курая торчали чаще, чѣмъ самый бурьянъ, пестрые, сытые звѣрьки на заднихъ лапкахъ, пересвистывавшіеся другъ съ другомъ и при проѣздѣ экипажа пугливо нырявшіе, носомъ внизъ—хвостомъ вверхъ, въ свои вертикальныя норы. Тысячи лѣтъ оказалось намъ мало, чтобъ отдѣлаться даже отъ такого первобытнаго врага, чтобъ «дикое поле» обратить въ сколько-нибудь домовитое жильѣ человѣка.

Мало того, что сусликъ живетъ попрежнему въ травянистыхъ степяхъ юга: онъ подвинулся гораздо далѣе на сѣверъ и теперь постоянно попадаетъ даже въ сѣверныхъ уѣздахъ Курской губерніи, всецѣло обращенныхъ въ поле, гдѣ не знали даже имени его 25 лѣтъ назадъ. Нѣкоторыя южныя земства какъ-то вовсе истребили было овражка, обложивъ жителей натуральнымъ налогомъ и платя за каждую штуку. Истребленіе шло такъ бойко, что жителямъ приходилось впослѣдствіи покупать шкурки въ сосѣднихъ уѣздахъ, чтобъ выполнить обязательную повинность и представить управѣ опредѣленное число убитыхъ звѣрьковъ.

Но у насъ любятъ кончать на первыхъ порахъ, и теперь овражекъ опять размножается безпрепятственно; если въ одномъ мѣстѣ его выживаютъ, то онъ спокойно лѣзетъ изъ сосѣдняго, гдѣ на него не

обращаютъ никакого вниманія. А между тѣмъ, многія тысячи десятинъ на нашемъ югѣ ежегодно истребляются овражкомъ, вдобавокъ къ другимъ тысячамъ, истребляемымъ то саранчою, то кузькою, то лѣтнею засухой. Что-же дѣлать, когда даже одна мысль о совмѣстной дѣятельности земствъ разныхъ губерній до сихъ поръ у насъ считалась вредною ересью? Мы должны платить эту печальную премію за свое хозяйственное легкомысліе и свою неизлѣчиму ю распущенность.

* * *

Некошенныя травы цвѣтутъ и волнуются на сотни верствъ кругомъ, а въ Харьковѣ сѣно—едва не на вѣсь золота. Мало того: вся степная часть Харьковской губерніи покрыта стогами стараго сѣна. Вы спросите, что-же это за притча? Хорошо не знаю; можетъ быть, есть и другія причины этой диковинной повсемѣстной нужды въ сѣнѣ, бокъ-о-бокъ съ безплодно гниющими стогами того-же сѣна, но одну причину можно постичь и безъ особыхъ изслѣдованій, только бѣгло проѣхавъ харьковскія степи. Стоги, которыми кишитъ степь, словно нарочно устроены не для сохраненія сѣна въ сухости и цѣлости, а для скорѣйшаго обращенія его въ навозъ. Это совсѣмъ плоскія, развалистыя кучи, неимѣющія острой вершины, такъ что дождь и снѣгъ преспокойно скопляются вверху и проникаютъ мало-по-малу до основанія весь стогъ. Оттого-то теперь эти стоги сѣна стоятъ среди молодой зеленой травы черными, какъ грязь.

Неудивительно, если такая система хозяйства разочаровываетъ предприимчивыхъ цивилизаторовъ и если нашъ скотъ будетъдохнуть подъ тѣнью подобныхъ стоговъ.

Желѣзная дорога не внесла пока въ нашу степь никакого вліянія на ея пейзажъ, на ея дикія стихіи. Какъ прежде снѣжные бураны заматали здѣсь измученную почтовую тройку или утлыя дровнишки мужика, такъ и теперь всеильно владычествуютъ они надъ рельсами и паромъ, загораживаютъ пути по глубокимъ балкамъ, останавливая на недѣли цѣлыя поѣзды, подобно тому, какъ старый сожитель ихъ, монгольскій кочевникъ, останавливалъ здѣсь когда-то торговые караваны. И теперь неблагоразумный путникъ, слишкомъ понадѣявшійся на вѣкъ цивилизаціи, нерѣдко терпитъ голодь и холодъ въ неожиданномъ плѣну у степного властелина, оставаясь на нѣсколько дней безпомощно запертымъ въ своемъ вагонѣ, въ глубинѣ какой-нибудь балки. Эти внутреннія наши таможи, непредвидѣнныя никакимъ законодательствомъ, возникаютъ импровизаціей то тамъ, то здѣсь, для развлеченія въ однообразіи

пути, и вовсе не устранены сносомъ старинныхъ пестрыхъ шлагбаумовъ, гдѣ брали въѣздныя пошлины и кричали «подвысь!...»

Наша торговля и весь дорожный людъ нашъ тоже платятъ изрядную пошлину этимъ стихійнымъ заставамъ, не спрашивающимъ билета, и страдаютъ отъ нихъ, право, не меньше, чѣмъ страдали когда-то отъ внутреннихъ таможенъ, противъ которыхъ такъ вооружилась экономическая наука. И, что всего досаднѣе, это безпрепятственное хозяйничанье дикихъ стихій пустыни надъ горделивымъ изобрѣтеніемъ чело-вѣческаго генія и современной цивилизаціи, этотъ произволь сѣдого мнѳологическаго старика—«Борея съ бѣлыми власами»—надъ чудодѣйственными орудіями Уайта и Стефенсона, нисколько не составляетъ рокового условія непобѣдимости.

Это, опять-таки, даровая премія за нашу распущенность, за наше неумѣнье дѣльно дѣлать дѣло. Мы заботливо обезпечили всѣмъ желѣзнодорожнымъ строителямъ полученіе съ насъ, съ точностью и акуратностью часового механизма, всевозможныхъ процентныхъ гарантій; мы сдѣлали все, чтобъ дать нашимъ именитымъ желѣзнодорожникамъ возможность покупать итальянскія виллы, парижскія картинныя галлерей и заказывать удивляющіе Европу серебряныя сервизы въ мастерскихъ Овчинникова или Хлѣбникова для поощренія отечественнаго производства. Но мы не подумали только о томъ, что и для торговаго движенія, и для проѣзжающаго чело-вѣка нужна хоть какая-нибудь гарантія, если не въ привлекательной формѣ процентовъ, то хоть въ видѣ скромнаго обезпеченія основныхъ правъ чело-вѣческаго существованія. Простому смертному, не посвященному въ тайны гарантій и концессій, на котораго не сыплется ни одна изъ крохъ грандіозныхъ подачекъ, кое-когда политично бросаемыхъ отечеству желѣзнодорожными тузами, казалось бы, очень просто потребовать отъ людей, создавшихъ себѣ колоссальныя состоянія путемъ предоставленной имъ отъ государства желѣзнодорожной монополіи, по крайней мѣрѣ того, чтобъ хоть ничтожная частичка переданныхъ имъ государствомъ милліоновъ рублей шла на огражденіе желѣзныхъ дорогъ отъ ежегодно угрожающей милліонамъ людей смертельной опасности.

Въ недавнее старое время, когда государство суровѣе и проще смотрѣло на обязанности и было несравненно скупѣе на право, считалось не только возможнымъ, но совершенно необходимымъ обезпечить отъ опасности зимнихъ выюговъ, темныхъ осеннихъ ночей и лѣтняго зноя всѣ безъ исключенія большія дороги на всемъ громадномъ пространствѣ имперіи, и мы дѣйствительно видимъ теперь, что нѣтъ такого ничтожнаго уѣзднаго городка въ Россіи, изъ котораго дороги въ

другіе такіе-же городки не были обсажены рядами деревьевъ, ракичь, березъ, тополей... Все это было сдѣлано не средствами правительства, а натуральною повинностью крестьянъ, безъ того задавленныхъ нуждою и обремененныхъ всевозможными повинностями. Если русская нищенская деревня, соломенная и навозная, нашла въ себѣ силы обсадить сплошь деревьями свои большія дороги, то неужели не могли бы этого давнымъ-давно исполнить наши желѣзнодорожные миллионеры? Но они предпочитаютъ истреблять послѣдніе остатки лѣсовъ на ежегодныя загражденія нѣкоторыхъ выемокъ и станцій утлюю рѣшеткою и нисколько, повидимому, не огорчаются комически-плачевною судьбою пассажировъ, систематически выдерживающихъ неожиданный карантинъ въ снѣговой пустынѣ по прихоти Борея. Я думаю, что не больше тревожатъ ихъ и болѣе трагическіе случаи схождения съ рельсовъ и гибели поѣздовъ. Правда, по азовской дорогѣ уже кое-гдѣ замѣчается начало древесныхъ посадокъ, по нѣкоторымъ валамъ уже зеленѣютъ трехвершковые былинки акаціи, и мнѣ рассказывали, что при одной станціи даже учрежденъ желѣзною дорогой большой питомникъ деревьевъ для цѣлей обсажденія. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда; но, судя по сдѣланному, нужно думать, что предпріятіемъ этимъ не особенно торопятся и, пожалуй, какъ это часто случается у насъ, взялись за него только для отвода глазъ и для красоты отчетовъ. Тогда долго еще придется намъ знакомиться лицомъ къ лицу съ снѣжными сугробами и многодневными голодовками.

Вообще, трудно представить себѣ наши желѣзныя дороги въ роли древонасадителей. Если хотите, это даже вышло бы съ ихъ стороны черезчуръ комично, какая-то злая эпиграмма на самихъ себя. Онѣ давно уже энергически выжигаютъ послѣдній лѣсъ, скудно уцѣлѣвшій на нашемъ югѣ; онѣ давно стали безсознательными, но дѣятельными союзниками степныхъ засухъ и безводья, вызывающихъ саранчу, жука, періодическія голодовки и не прекращающіяся эпидеміи и эпизоотіи. Въ то время, какъ наши ученые спеціалисты, черезчуръ углубившіе кладези премудрости своей, въ родѣ гг. Заломанова и Костычева, ломаютъ теоретическія копья въ опроверженіе господствующаго «суевѣрія» о пользѣ лѣсовъ, а противники ихъ собираютъ широковѣщательныя комиссіи и комитеты, желѣзнодорожники и фабриканты втихомолку валяютъ съ корня самые лѣса и дѣлаютъ празднымъ даже самый споръ о пользѣ или вредѣ ихъ. «Совершившійся фактъ» торжествуетъ теперь надъ всѣмъ нашимъ югомъ. Когда-то многолѣсистая Кіевская губернія уже выжжена едва не до тла, и сахарные заводы ея бѣгутъ спасаться въ другія губернія, гдѣ еще лѣсоистребленіе не завершено

вполнѣ. Харьковская, Полтавская, Екатеринославская губерніи и по-давно стоятъ голымъ-голыя, наивно удивляясь, откуда это насылаеть имъ Богъ то дифтеритъ, то тифъ...

А тутъ, будто въ насмѣшку, въ самыхъ нѣдрахъ ихъ цѣлая страна каменнаго угля, цѣлая другая страна антрацита. Теперь даже особенная система желѣзныхъ дорогъ (донецкая и частныя вѣтви ея) прорѣзаетъ въ разныхъ направленіяхъ этотъ русскій Ньюкастль. Азовская дорога даже топится каменнымъ углемъ и лично составляетъ теперь исключеніе изъ числа лѣсоистребителей. Но бѣда въ томъ, что она не можетъ дать этого угля другимъ дорогамъ. Тарифъ на уголь удешевленъ до послѣдней степени, и дешевле $\frac{1}{60}$ копѣйки за пудъ и версту дорога уже не можетъ возить. Понятно, что у нея нѣтъ особенной охоты получать мало и есть, напротивъ, огромная охота получать много. А потому, понятно, она старается перевозить угля какъ можно меньше. Донецкая дорога проситъ у нея, напримѣръ, 100 вагоновъ—она даетъ ей только десять, и вотъ изъ 100 пудовъ добытаго угля 90 остаются благополучно на своемъ мѣстѣ. Конечно, это цифры примѣрныя, но суть дѣла та-же. За невозможностью усилить сбытъ каменнаго угля, удешевленіе его производства, разумѣется, невозможно, и вотъ мы приходимъ къ такому курьезному результату. Сосѣдній Курскъ, напримѣръ, нуждается въ каменномъ углѣ, но не можетъ получить его вовсе, по причинѣ затрудненій въ доставкѣ. Одесса, Ростовъ, Севастополь нуждаются въ каменномъ углѣ, но покупаютъ его у англичанъ, потому что англичане привозятъ его, какъ балластъ, на своихъ пароходахъ и продаютъ на 30⁰/₀—40⁰/₀ дешевле донецкаго.

Въ качествѣ простаго смертнаго, не посвященнаго въ тайны высшей желѣзнодорожной политики, я могъ бы только осторожно напомнить глупое старое правило, что и въ усовершенствованномъ XIX-мъ вѣкѣ, по всей вѣроятности, не Россія же должна существовать ради пользы желѣзныхъ дорогъ, а скорѣе, все-таки, желѣзныя дороги, несмотря на всю грандіозность и всю законность своихъ аппетитовъ, должны были бы существовать ради пользы этой глупой, нищенской Россіи.

Насъ, грѣшныхъ, разумѣется, не трудно застращать бойко звенящими цифрами тарифа, ввоза и вывоза, статистическими таблицами и отчетами, Си доказать, какъ дважды два четыре, что наши южныя желѣзныя дороги благодѣтельствуютъ намъ и истребленіемъ лѣсовъ, и необходимостью покупать англійскій уголь, и даже калѣченьемъ своихъ пассажировъ. Мы ничего не смѣемъ возразить противъ тѣхъ, кому книги въ руки, а только смиренно твердимъ, не залѣзая въ дебри